

Всего во второй половине 1915–1916 учебного года в гимназии было проведено 15 экскурсий, из них 12 в пределах Тобольска и его ближайших окрестностей и 3 в более отдаленные местности, находящиеся на расстоянии 8–30 верст от города. В этих экскурсиях участвовало 653 ученика, с учетом того, что в гимназии обучалось 272 человека. Первоначально планировалось провести 26 экскурсий [ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2757. Л. 190, 192 об].

Развитие экскурсионного движения в Тобольской мужской гимназии в начале XX в. можно разделить на два этапа. До 1912 г. экскурсиям уделялось незначительное внимание. После назначения на должность директора гимназии А.Д. Квака деятельность педсовета по организации экскурсий заметно активизировалась. Основное внимание уделялось развитию ближних образовательных экскурсий, которые проводились в черте города и его окрестностях. Для экскурсий с учителями рисования, природоведения и географии широко использовались самобытный ландшафт, флора и фауна окрестностей Тобольска.

Основными пунктами посещения учениками являлись губернский музей, памятники, объекты епархии (Кафедральный собор, Абалакский монастырь, свечной завод), городской инфраструктуры, промышленности.

Экскурсии способствовали развитию у учащихся любви к своей малой родине, имели религиозно-нравственную направленность, содействовали физическому развитию гимназистов, служили средством для наглядного изучения исторического прошлого и природы края, промышленного производства. Ученики с преподавателями традиционно перед экзаменами посещали Абалакский Знаменский монастырь с целью помолиться чудотворному образу Божией Матери и познакомиться с историческими древностями монастыря. Данное паломничество придавало силы гимназистам для подготовки к сдаче экзаменов.

Литература

1. ГАТО (Государственный архив Тюменской области). Ф. 126. Оп. 2. Д. 2714.
2. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2864.
3. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3008.
4. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3041л.
5. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2757.
6. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3244.

А. П. Ушакова, И. В. Шебек, г. Тюмень

РОССИЯ И СЕРБИЯ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР СКВОЗЬ ВЕКА

Мало найдется государств, с которыми Россию связывали бы столь прочные исторические, культурные и духовные связи, как с Сербией. Эта земля, народ которой прошел иной, чем русские, исторический путь, всегда оставалась близкой России по духу, по мироощущению ее жителей. Это чувство духовной близости не покидало русских и сербов даже в периоды сложных политических событий.

Значение России для Сербии и Сербии для России на различных исторических этапах всегда оставалось чрезвычайно высоким. Россия неоднократно под лозунгом защиты славянства приходила на помощь Сербии. Сербия приютила на своей земле не одну волну эмигрантов из России, которые традиционно играли заметную роль в культурной жизни этой балкан-

ской страны. Будь то театр, система образования, наука или армия — везде жива память о белоэмигрантах, которые волею судьбы были вынуждены творить и трудиться на чужбине. И в этом смысле Сербия для нас особая страна.

В целом необходимо отметить, что российско-сербским отношениям присуще взаимное доверие и помощь. Это касается всех областей: политического, экономического, культурного, научного сотрудничества. Связи русского и сербского народов уходят в далекое прошлое.

Так, взаимоотношения Сербской и Русской Православных Церквей основываются на давних, твердо установившихся добрых традициях братской дружбы. У ее истоков стоит величайшая фигура в истории Сербской Церкви и всего сербского народа — святитель Савва. Он был младшим из сыновей великого жупана Стефана Немани. Святитель Савва боролся за самостоятельность Сербского государства, за христианскую веру, за то, чтобы сербский народ обращался к Богу на своем, родном языке. Этому он посвятил всю свою жизнь. Знаменательно, что монашеский постриг он принял в русском монастыре на Афоне.

С покорением Балканского полуострова турками православные славянские народы обращают свой взор к единой и единоплеменной с ними Московской Руси. Русские люди неоднократно оказывали помощь сербскому народу.

Большой вклад в становление русского летописного жанра и сохранение русской культуры внесли сербские просветители Григорий Цамблак и Пахомий Логофет; при Петре I в русской армии был укомплектован отдельный Сербский гусарский полк; в августе 1725 года в городе Карловац Максимом Суворовым была открыта «Славянская школа» и др.

Заботами главы Церкви Митрополита Петра была открыта в 1836 г. в Белграде богословская школа — «Богословия» — для подготовки образованного духовенства. Для получения высшего богословского образования окончившие «Богословию» направлялись в Духовные Академии Русской Православной Церкви. В настоящее время духовная культура обеих стран сближается благодаря межцерковному общению. Происходят взаимные визиты деятелей Русской и Сербской Православных Церквей, обмен мнениями по важнейшим церковным вопросам, обмен праздничными посланиями Предстоятелей Церквей к Рождеству Христову и Святой Пасхе. Братские приветствия по случаю важнейших церковных событий Церквей-Сестер, обмен церковными изданиями, обучение в русских Духовных школах студентов Сербской Православной Церкви и др. Все это свидетельствует, что между обеими Церквями не прерываются традиционные живые братские отношения.

Россию и Сербию связывает близость языков: и русский, и сербский языки восходят к единому — общеславянскому языку.

В этой связи приведем высказывание профессора Б. Терзича, в котором автор подчеркивает близость русского и сербского языков, указывает на необходимость их сопоставления: «Контакты српског и руског језика имају вишевековну традицију и трају до дана данашњег. Уз то оба спадају у категорију тзв. блиско сродних језика, што је њихова генетска и типолошка одредница» [Терзић 1999; 7] — «Контакты сербского и русского языков имеют многовековую традицию и существуют по сей день. Кроме этого, оба языка относятся к категории близкородственных языков, что и является их генетическим и типологическим определением».

В истории двух государств много контактов. Суждения о перспективности сопоставительного изучения славянских языков, если иметь в виду историографию проблемы, известны еще из работ И.И. Срезневского. В 1839 году Российское Министерство народного просвещения направило И.И. Срезневского в числе других ученых в славянские страны. Им предписывалось не только практическое изучение славянских языков, но и изучение обычаев, образа жизни славянских народов, их культуры. Известна помощь И.И. Срезневского В.С. Караджичу в издании Сербского словаря, его лекции по истории, этнографии, культуре, фольклору славянских народов, а также о деятельности В.С. Караджича [Дмитриев, Сафронов 1975].

Книги Вука Караджича: сборники сербских народных песен, грамматика, словарь — вызвали большой интерес у представителей русской науки и культуры, поскольку открывали

для них неведомые до этого ценности, имевшие свой смысл и значение для литературного и культурного движения в России.

Большое влияние Вук Караджич как собиратель песен оказал также и на А.С. Пушкина. Пушкинский цикл «Песни западных славян» отразил трезвое, углубленное проникновение в национальный «дух» других культур, родственных народов, в том числе и сербов. А.С. Пушкин занимался переводом оригинальных сербских народных песен. В цикл «Песни западных славян» вошли переводы двух песен: «Сестра и братья» и «Соловей». Кроме того, сербские мотивы присутствуют и в прозе А.С. Пушкина. Развитие русской культуры в первые десятилетия XIX века побуждало к постижению опыта родственных народов, решавших сходные культурные задачи. В комплексе духовных проблем особое значение имело познание фольклора как исходной питательной среды национальной художественной культуры. А.С. Пушкин был одним из первых, кто открыл для России удивительный мир сербов, особенности их культуры, поэзии, психологии. А также А.С. Пушкин стал проводником для сербов в мир русской литературы.

Начиная с XVI века, православные сербы пользовались сначала рукописными, а затем и печатными церковными книгами, издаваемыми в Московской Руси. В свою очередь, южные славяне содействовали передаче на Русь духовного наследия Византии, способствуя, таким образом, духовному росту Русской Православной Церкви. «Должно признать, — утверждает В.М.Истрин, — что большое количество византийских произведений пришло на Русь уже в готовом, южнославянском переводе, и притом в древнейшее время — в переводах болгарских. Они продолжали переходить и позже, когда на Руси развилась уже своя письменность, а к переводам болгарским стали присоединяться переводы и сербские» [Йованович 2005: 8].

В XVIII веке единый нормированный литературный сербский язык еще не сформировался: в литературе и письменности сосуществовали и соперничали несколько стилистических систем. Одни из них были связаны с церковнославянским языком, в том числе с его русской редакцией, другие — с народным сербским языком. Большое влияние, в этой связи, отводится роли русского языка в становлении сербской литературной речи [Скерлић 1923: 121; Гудков 1973: 50]. Поэтому о нормах литературности сербской речи для данного периода мы не можем судить со всей определенностью. По поводу сербских текстов XVIII века следует отметить, что в этот период в Сербии господствовало многоязычие. Писатели пользовались и церковнославянским, и русским, и родным сербским языком. Мы не знаем в XVIII веке ни одного произведения, где бы это был чистый сербский язык (из устного выступления П.А. Дмитриева, 1984). Вместе с тем, в конце первой половины XIX века литературно-языковая концепция В. Караджича, положившего в основу сербского литературного языка народные говоры, характеризуется прочностью и стабильностью позиции [Гудков 1978: 73].

Также близки России и Сербии традиции памяти об истории своего народа, своей Родины, идеи отстаивания правды, борьба против лжи и клеветы. Об этом свидетельствуют украинские события. Россия пытается помочь своим братьям-славянам. Показателен в этом плане текст книги сербского журналиста М. Вујовића «Масакрирање истине» (2006г.), которую можно перевести как «*Резня правды*». В. Радович в предисловии к данной книге отмечает следующее:

«Вујовићева књига подразумева огромна истраживачки труд и, као таква, представља незаобилазну лектуру, у ствари — уџбеник, за све који аргументовано желе да се боре за истину, а против медијских лажи и манипулација које су нас тако скупо коштале минулих година».

— Книга Вујовича представляет собой огромный исследовательский труд, который требует обязательного прочтения, это учебник для всех, кто аргументированно борется за правду против информационной лжи и манипуляций, которые так дорого стоили нам в прошедшие годы.

Военные действия на территории бывшей Югославии являются важным элементом современного международного политического дискурса. Они продолжались с 1991 по 1999 годы и вызвали противоположные оценки у политиков и журналистов разных стран. По словам А.П. Чудинова, «...абсолютное большинство граждан и все крупные политические партии России осуждали кровавый антисербский террор албанских сепаратистов в Косово и варварские бомбардировки мирных городов Югославии. А вот в большинстве европейских стран и в Соединенных Штатах общественное мнение было на стороне жертвы режима Милошевича — свободолюбивого албанского народа, которому оказали помощь доблестные войска НАТО» [Чудинов 2003: 93].

Книга носит публицистический характер, автор в основном раскрывает закулисную сторону создания сообщений, репортажей в информационных службах, которые вещали на весь мир о военных событиях на территории бывшей Югославии.

М. Вуйович показывает, что менталитет сербского народа связан с идеей — верить правде. Почему можно было победить сербский народ ложью? Потому что сербов отличает вера в Бога, искренность, доверие. Об этом говорит в послесловии к книге «Масакрирање истине» Зоран Богавац: *«А коју другу улогу, осим улогу жртве, је могао да одигра народ у чијем архетипу још није сасвим избледела идеја како «правда држи куле и градове», који Бога Правде у химни, коју су покушали да му одузму, узима за сведока и заштитника, који (у песми увек а у збиљи понекад) сам себи казује — «боље ти је изгубити главу, него своју огрешити душу» — и у чијем Душановом законуку лажно сведочење остаде записано као најтеже кривично дело?» — «А какую еще роль, кроме роли жертвы, мог сыграть народ, в чьем архетипе еще не совсем угасла идея, что «правда держит башни и города», который Бога Правды в гимнах воспеваает, которую у него попытались отнять и которую он берет себе в свидетеля и защитника, который (в песнях всегда, а на деле иногда) сам себе говорит — «лучше тебе потерять голову, чем взять грех на душу». И в чьем Душановом своде законов ложное свидетельство осталось записанным как самое тяжкое уголовное преступление».*

В этой связи приведем высказывание сербского патриарха Павла, который призывает людей: *«Увек имајте у виду чији сте потомци и сетите се којим су путем ишли ваши преци да би стигли у Царство Божије, увек као људи и као народ Божији. Тим путем да и ми идемо и да заиста будемо достојни потомци својих предака. Проћи ће све, али душа, образ и оно што је добро остаје заувек»* [Из животописа патријарха српског Павла 2009: 27] — «Всегда помните, чьи вы потомки и каким путем шли ваши предки, чтобы достичь Царствия Божия, оставаясь и людьми, и народом Божиим. Тем же путем пойдём и мы, и действительно будем достойными потомками своих предков. Пройдет все, но душа, честь и все, что есть доброго, останутся навсегда».

Таким образом, вся глубина и устойчивость позитивных установок между Россией и Сербией продиктована исторической памятью, духовной близостью сербского и русского народов.

Литература

1. Вујовић М. Масакрирање истине. Подгорица : Културни центар «Свети Сава»; Нова Пазова : Бонарт, 2006. 343 с.
2. Гудков В.П. О «славенском» языке Захария Орфелина // Вестн. Моск. ун-та. Сер.7, Филология. 1973. № 3. С. 46-51.
3. Гудков В.П. К изучению русского лексического наследия в сербохорватском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 1978. № 4. С. 72-82.
4. Дмитриев П. А. Сафронов Г. И. Вук С. Караджич и его реформа сербохорватского/хорватосербского литературного языка : учеб. пособие. Л.: ЛГУ, 1984. 107 с.

5. Из животописа патријарха српског Павла. Поруке и поуке/ Са благословом Митрополита црногорско-приморског АМФИЛОХИЈА Местобљуститеља Патријарашког трона. Београд. 2009. 30 с.
6. Йованович М. Русская эмиграция на Балканах 1920-1940. Москва. 2005. 487 с.
7. Скерлић Ј. Српска књижевност у XVIII веку. Београд, 1923. 351 с.
8. Терзић Б. Актуелни проблеми преношења руских имена и назива у српски језик // Терзић Б. Руско-српске језичке паралеле. Београд, 1999. С. 215-227.
9. Пипер П. Језичка страна глобализације у словенским земљама// Славистика, књ. IX. Гл уредник Б. Станковић. Београд: Славистичко друштво Србије, 2005. С. 19-28.
10. Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора): учеб. пособие. Екатеринбург: Урал. гуманитар. ин-т, 2003. 194 с.

Ј. И. Ширманов, г. Тюмень

БОГ, ВЕРА И РАЗУМ В ФИЛОСОФИИ ЛЬВА ШЕСТОВА

Вопрос об оценке философского наследия известного российского мыслителя Льва Шестова не прост и во многом определяется мировоззренческими установками исследователя. Очевидной для всех интерпретаторов является религиозная составляющая философствования Л. Шестова как доминантная на протяжении всего его творческого пути. С.Н. Булгаков пишет: «Шестов как мыслитель в течение всей своей долгой жизни был объят одной — не доктриной, ибо у него её вовсе и не было, — но темой, был отдан одному вопрошанию: религиозному, им владела мысль о Боге». Шестов как богоискатель обращается к разным эпохам, но именно в средневековой культуре Лев Шестов находит своих единомышленников: Тертуллиана, А. Августина, П. Дамиана, Д. Скота и У. Оккама.

Анализу религиозно-философского творчества средневековых авторов, у которых Шестов ищет поддержки в собственном понимании Бога, посвящена, в первую очередь, книга «Sola fide — только верую». Посетившая Шестовых в 1912 году Е. Герцык застала философа за вдохновенной работой над этой книгой. Он изучал средневековых мистиков, «но больше всего Лютера, в котором нашел не пресного реформатора, а трагический дух сродни Ницше...». Начал он эту работу в 1911 году, но сама книга «Sola fide ...» в основном написана в 1914 году, за 8-9 месяцев с большим подъемом и душевным напряжением. Н. Баранова — Шестова уверена, что «Sola fide — Только верую» — «является некоторым образом духовной автобиографией» философа и источником многих мыслей, которые легли в основу последующих книг [Баранова-Шестова 1983: 2].

Действительно, после «Sola fide — Только верую» Л. Шестов заметно изменяется, хотя философские проблемы, упоминания о Боге и Библии всегда присутствовали в его произведениях. Очевиднее становится переход от философии беспочвенности, с интенцией антирационализма, крайнего скептицизма и имморализма, с апологией жизни «как она есть» и богоискательством, — к религиозной философии с явными позитивными высказываниями о Творце, сверхъестественном невозможном и личной вере. При этом элементы философии беспочвенности сохраняются, разве что «фидеизируется» его иррационализм и имморализм. Этот второй, поздний период творчества Шестова, по мнению современного отечественного автора В.Л. Курабцева, можно было бы назвать строительством «иудейско-христианской